

И.В. Ружицкий (Москва, Россия)

«Человек» в языковой картине мира Достоевского

Аннотация: В статье на материале «Идиоглоссария Достоевского» аргументируется тот факт, что ядром авторского тезауруса является концепт ‘человек’. При определении семантической структуры слова «человек» учитываются как существующие в толковых словарях дефиниции, так и особенности употребления этого слова в текстах писателя разных жанров – в произведениях художественной прозы, в публицистике и в личных письмах, представленных в Полном собрании сочинений Достоевского в 30 томах. Показываются некоторые идиостилевые особенности слова «человек» – употребление словоформы «человеки», новообразования, индивидуально-авторские определения, часто выполняющие оценочную функцию, и др. Отдельное внимание уделяется сочинительным связям слова «человек», его паратаксису. Выводы о концептуальной значимости лексемы «человек» делаются на основе анализа генерализованных высказываний, в состав которых входит эта идеологема, что позволяет также определить области пересечения текстового семантического поля ‘человек’ с другими текстовыми семантическими полями.

Ключевые слова: Достоевский, словарь языка писателя, идиоглоссарий, тезаурус, гипотаксис, паратаксис, афоризм

I. V. Ruzhitsky (Moscow, Russia)

The Concept of “tchelovek” in Dostoevsky’s Linguistic Worldview

Abstract: The paper, based on the material of Dostoevsky’s Idioglossary, argues that the core of the author’s thesaurus is the concept of ‘tchelovek’. The semantic structure of the word “tchelovek” is determined considering definitions in explanatory dictionaries, the peculiarities of its use in works of fiction, in literary essays and in writer’s letters. The idiosyle features of the word “tchelovek” are demonstrated in the use of the word form “tcheloveki”, new formations, individual author’s attributes, which often perform an evaluative function, etc. Attention is paid to the coordinative connections of the word “tchelovek”, its parataxis. Conclusions are based on the analysis of generalized statements including this ideologeme, which makes it possible to determine the areas of intersection of the text semantic field “tchelovek” with other textual semantic fields.

Key words: Dostoevsky, dictionary of the writer’s language, idioglossary, thesaurus, hypotaxis, parataxis, aphorism

То, что человек занимает центральное место в творчестве Достоевского, как в произведениях художественной прозы, так и в публицистике, отмечалось во многих исследованиях, прежде всего в литературно-критических работах: «У Достоевского был только один всепоглощающий интерес, только одна тема, которой он отдал все свои творческие силы. Тема эта – человек и его судьба. Не может не поражать исключительный антропологизм и антропоцентризм Достоевского. В поглощенности Достоевского человеком есть исступленность и исключительность. Человек не есть для него явление природного мира, не есть одно из явлений в ряду других, хотя бы и высшее. Человек – микрокосм, центр бытия, солнце, вокруг которого все вращается. Всё в человеке и для человека. В человеке – загадка мировой жизни. Решить вопрос о человеке – значит решить вопрос и о Боге» [Бердяев: URL]; «Достоевский понял людей лучше, чем кто-либо» ([Lloyd 1912; цит. по: [Феномен Достоевского... 2019: 17]); «Предмет искусства Достоевского <...> “целое человеческого бытия”; <...> основной проблемой Достоевского является человек. Проблема Бога отпадает» ([Natorp 1923; цит. по: [Феномен Достоевского... 2019: 25]). Сам Достоевский в 1839 г. писал старшему брату, М.М. Достоевскому: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [Достоевский 1985: 63]. В большинстве литературоведческих работ о человеке у Достоевского их авторы апеллируют к данному письму, забывая о том, что это еще совсем молодой Достоевский, ничего не успевший создать.

Достоевский и в самом деле, будучи очень молодым, начал изучать человека, именно изучать. Еще на старших курсах Инженерного училища у него было увлечение – уйти из квартиры, выбрать в качестве объекта какого-нибудь человека и следить за ним целый день, наблюдая за малейшими деталями поведения: в какой магазин человек идет, как достает бумажник, деньги, как считает деньги, как расплачивается... Потом уже Достоевский «достраивал» этого человека, полагая, что как раз из такого рода деталей и конструируется образ. Впоследствии писатель наблюдал не только за живыми людьми, но и за умершими, стараясь понять тайну жизни и смерти, присутствовал при смертной казни. ‘Жизнь’ и ‘смерть’ человека, безусловно, один из важнейших вопросов, волновавших Достоевского, и – основная смысловая оппозиция в его тезаурусе.

В лингвистических работах, посвященных изучению языка Достоевского, вопрос о функционировании слова «человек» в текстах писателя чаще всего старались обходить, по всей видимости, по причине его необъятности. В настоящее время идет работа по завершению шестого тома «Идиоглоссария Достоевского» [СЯД 2024], куда вошла идиоглосса «человек». Цель настоящей статьи – дать краткую интерпретацию данного лексикографического материала.

Определить, что такое «человек», колоссально сложно, это факт общеизвестный, этим вопросом задавались философы и теологи, начиная с платоновского «двуногого существа без перьев». Толковые и специальные, в том числе библейские, православные словари и энциклопедии, в данном случае, как, впрочем, и во многих других, помощники весьма относительные. Рассмотрим несколько из предлагаемых в них дефиниций.

Каждый из людей; высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесною речью. Побудка (инстинкт) животного, соединенье низшей степени рассудка и воли, заменяет ему дары эти, разрозненные в человеке и даже вечно спорящие между собою – это сердце и думка. Высшая степень человечности была бы та, где разум и воля

слились бы в одно, сознательно во всем согласуясь взаимно. Как животное отличается от растения осмысленною побудкою и образует особое царство, так и человек отличается от животного разумом и волей, нравственными понятиями и совестью и образует не род и не вид животного, а царство человека. Посему нередко человек значит существо, достойное этого имени. Человек плотский, мертвый едва отличается от животного, в нем пригнетенный дух под спудом; человек чувственный, природный признает лишь вещественное и закон гражданский, о вечности не помышляет, в искус падает; человек духовный, по вере своей, в добре и истине; цель его – вечность, закон – совесть, в искус побеждает; человек благодатный постигает, по любви своей, веру и истину; цель его – царство Божие, закон – духовное чутье, искушенья он презирает. Это степени человечества, достигаемые всяким по воле его. || Служитель, прислуга, лакей или комнатный. Человек Божий, пророк, избранец. Божий человек, святой, праведной жизни; || юродивый, божевольный [Даль: URL].

Описание слова «человек» в «Толковом словаре живого великорусского языка», на наш взгляд, вызывает особый интерес, несмотря на очень пространные и громоздкие пояснения, скорее даже – благодаря им. Дефиниция Вл. Даля позволяет обнаружить базовые дифференциальные семы, характеризующие значения этой лексемы и имплицитно содержащиеся в толковании: ‘создание’, ‘существо’, ‘разум’, ‘свобода воли’, ‘словесная речь’ и др. Противостояние духовного и телесного, человек и животное, мёртвый человек и живой человек, телеологический и моральный аспекты человека – всё это можно выделить из дефиниции Словаря Даля. Нельзя не отметить и замечательное, очень точное слово «побудка», используемое по отношению к человеку и к животному. Такая интерпретация значений слова «человек» в некоторых случаях представляется более точной, чем в словарях XX и XXI века:

1. Живое существо, в отличие от животного обладающее даром речи и мысли и способностью создавать и использовать орудия в процессе общественного труда. | только с определением. То же, как носитель каких-нибудь внутренних качеств, свойств, личность. 2. То же, как обладатель лучших моральных и интеллектуальных свойств (книж. ритор.). 3. употр. в знач. местоимения: всякий (т. е. любой человек), никто (т. е. никакой человек), кто-нибудь (т. е. какой-нибудь человек) и т. п. 4. При крепостном праве – дворовый слуга или вообще помещичий служитель. | Официант, половой (дорев.). • Божий человек (устар., нар.-поэт.) – юродивый. Все мы люди, все человеки или все мы человеки (разг.) – шутливая погов. в извинение каких-нибудь слабостей или недостатков. Молодой человек (разг.) – обращение к юноше, лицу молодого возраста или (шутл.) к мальчику [Ушаков: URL]; 1. Живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. Человек есть организм сложный, а потому и внутренний его мир до крайности разнообразен. || чего или какой. Лицо, являющееся носителем каких-л. внутренних характерных качеств, свойств, принадлежащее к какой-л. среде, обществу и т. п. || В значении единицы счета (людей). 2. Личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств. 3. Употребляется в значении местоимений: он, кто-то, некто. 4. Дворовый слуга или вообще помещичий крепостной слуга. || Официант, слуга в трактире в дореволюционной России. ◇ человек в футляре; божий человек устар. и народно-поэт. странник, нищий, юродивый; грешный человек, мил человек, молодой человек, полтора человека [МАС: 659]; 1. Живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. Молодой ч. (о юноше, молодом мужчине, обычно в обращении). Будь человеком! (веди себя по-человечески; разг.). Вот ч.! (о том, кто вызывает удивление теми или иными своими качествами, поступками; разг.). Все мы люди, все человеки (никто не лишен человеческих слабостей; шутл.). 2. В России при крепостном праве: дворовый слуга, служитель, лакей, а позднее официант, слуга [Ожегов, Шведова: URL]; I. 1. Живое существо, в отличие от животного обладающее даром речи, мысли и способностью производить орудия труда и пользоваться ими. || Носитель каких-либо

качеств, свойств; личность (обычно с определением). 2. Личность как обладатель лучших интеллектуальных или моральных качеств. 3. Любое лицо; всякий. || Некое лицо; кто-либо. 4. Лицо, персона как единица обслуживания за столом (обедом, ужином и т. п.). 5. см. люди II. 1. Дворовый слуга (в Российском государстве при крепостном праве). 2. Любо́й слуга мужского пола; лакей. 3. Официант в трактире, ресторане; половой. 4. см. люди II [Ефремова: URL]; Творение Божье, состоящее из души и тела, обладающее чертами, отображающими Божественные совершенства (разумом, свободой воли, способностью любить и др.), призванное к уподоблению Своему Творцу и благодатному единению с Ним [Азбука веры: URL].

Зафиксированные в словарях дифференциальные признаки в большинстве случаев вероятностны, они не носят абсолютного характера, например:

наличие разума (без какого-либо, как в Словаре Даля, сопутствующего комментария)

Авторы толковых словарей в своих дефинициях настойчиво показывают отличие человека от животного («дар мысли» и т. п.), такова философская и религиозная традиция. Человек, конечно, существо, но его разумность вызывает определенные вопросы. К тому же у Достоевского разум, сознание может явиться симптомом болезни: «Слишком сознавать – это болезнь, настоящая, полная болезнь» («Записки из подполья»)¹.

способность производить орудия труда и пользоваться ими

Для употребления слова «человек» в текстах Достоевского такой дифференциальный признак вообще не актуален.

обладание даром речи (тоже дается без комментария, у Даля – «словесная речь», что, полагаем, более точно)

Это свойство человека тоже вызывает некоторые сомнения. В результате афазии человек перестает быть человеком? А умерший? У Даля – перестает.

Даже, казалось бы, самые очевидные из зафиксированных в толковых словарях значения лексемы «человек» перестают быть очевидными. Например, как быть с сочетанием *Человек мой получил письмо* (у Достоевского мы встречаем несколько употреблений такого рода, в основном в личных письмах), когда речь идет совсем не о слуге? Вероятно, что значение 'слуга, лакей' следует дополнить компонентом 'лицо, выполняющее какие-л. поручения или просьбы', дать это как оттенок значения или вообще как самостоятельное.

Кроме того, в «Истории слов» В.В. Виноградова мы находим (с отсылкой к «Брянскому говору» П.Н. Тиханова): «...выражения дворовый и человек в значении “слуга” были некогда в речи дворян XVIII и XIX вв. синонимами и возникли в результате разложения термина дворовый человек. “При крепостном праве... различались крестьяне и дворовые люди, что было далеко не одно и то же, и тогда как собственно крестьянин (мужик) находился в деревне, за околицей барского дома, занимался земледелием, и проч., заботясь о себе сам; дворовый человек, состоя в штате дворни, личной прислуги барина – помещика, получал от последнего платье, мясчину (паек), а иногда и жалованье. До сих пор этот исторический остаток живет в названии слуги “человеком”, чего нигде нет, ни у одного народа» [Виноградов: URL]. О данном тонком различии говорит и Версильев в «Подростке»: «– Макар Иванович прежде всего – не мужик, а дворовый человек, – произнес он с большою охотою, – бывший дворовый человек и бывший слуга, родившийся слугою и от слуги. Дворовые и слуги чрезвычайно много разделяли интересов частной, духовной и умственной жизни своих господ в былое время. Заметь, что

¹ Все цитаты из текстов Достоевского даются по: [Достоевский 1972–1990].

Макар Иванович до сих пор всего больше интересуется событиями из господской и высшей жизни».

Предельно полно смысловый объем лексемы «человек» раскрывается в фундаментальной статье Ю.Д. Апресяна «Образ человека по данным языка: попытка системного описания», в которой дается «набросок общей схемы характеристики человека как основы системной лексикографии» [Апресян 1995: 38]. В статье, в частности, говорится о «наивной картине человека», подчеркивается, что в русской языковой картине мира человек «мыслится как <...> динамичное, деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые. С другой стороны, ему свойственны определенные состояния – восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т. п.». Наконец, он определенным образом реагирует на внешние или внутренние воздействия [там же: 38–39]. Далее описываются основные система и подсистемы человека в их иерархии. Наше внимание сосредоточено на реализации этих систем и подсистем в текстах конкретного автора, Ф.М. Достоевского, однако даже анализ употребления одного слова «человек» во всем корпусе текстов полного собрания сочинений писателя в 30 томах [Достоевский 1972–1990] уже представляет собой колоссально сложную задачу и позволяет сделать на этот счет лишь самые общие заключения. Для более полной картины необходимо исследовать другие ключевые лексемы, входящие в данное семантическое поле, – *люди, человеческий, человечество, всечеловеческий, всечеловек, общечеловеческий, общечеловек, русский, русские, мужчина, женщина, дети, ребенок*, а также очень большую группу слов – наименований лиц (так, несомненно значимыми для характеристики идиостиля Достоевского являются *адвокат, актер, атеист, барин, барыня, батюшка, бедняжка, бедняк, богач, бунтовщик, вдова, виновник, генерал, гений, гороховой, гражданин, девица, девочка, девушка, демократ, доктор, дочь, еврей, жена, жид, жилец, идиот, калека, капитан, лгун, либерал, мама, мать, молодежь, муж, мужик...* вошедшие в «Идиоглоссарий») и т. д.

Предлагаемая в «Идиоглоссарии Достоевского» семантическая структура слова «человек» основана на контекстах его употребления в первую очередь в корпусе Полного собрания сочинения писателя в 30 томах [Достоевский 1972–1990], а также на данных основных толковых словарей русского языка:

ЧЕЛОВЕК <5569:3955,1037,576,1>¹

1. Владелец лучших, идеальных интеллектуальных или моральных качеств; высшее существо, обладающее свободой воли, созданное по образу и подобию Божию.
2. Лицо как носитель каких-л. внутренних характерных качеств, свойств и/или принадлежащее к какой-л. среде, обществу (обычно с определением).
3. Индивид, личность; существо, обладающее даром слова, чувствами, мышлением, памятью, а также способностью смеяться; каждый из людей, мужчина или женщина.
4. Кто-то, некто.
5. В зн. единицы счета (людей).
6. Слуга, крепостной; официант, прислуга в ресторане, трактире и т. п.; лицо, выполняющее чье-л. поручение или просьбу [СЯД 2024].

Необходимо отметить, что супплетивная форма множественного числа «люди» в словарной статье не учитывалась, тем не менее нелитературная форма «человеки» рассматривалась. Эта форма у Достоевского достаточно частотна – более 20

¹ Частотные показатели – общее количество употреблений, частота в произведениях художественной прозы, публицистике, личных и деловых письмах, требуют дальнейшей верификации. Так, в [Шайкевич и др. 2003] приводятся следующие частотные характеристики: <5612: 4010, 1026, 576>.

употреблений в свободных сочетаниях, а также 2 употребления в модификации пословицы, зафиксированной у Вл. Даля, – *Все мы люди, все человеки*, в «Записках из Мертвого дома» и в «Братьях Карамазовых».

В толковых словарях русского языка форма *человеки* зафиксирована с пометой *шутл.* В «Идиоглоссарии Достоевского» соответствующие контексты даются в зонах комментария словарной статьи, посвященных морфологическим особенностям и ироничному употреблению описываемого слова. В ироничном контексте – часто, но далеко не всегда, это могут быть и особенности простонародной речи, и стилизация церковнославянского языка, т. е. данная словоформа служит для реализации определенных авторских интенций:

[Один арестант другому] Вишь, сморозил: то [орел] птица, а мы, значит, человеки («Записки из Мертвого дома»); [Алексей Иванович] Ведь я добыл это [выигрыш] более чем жизнью рискуя, осмелился рискнуть и – вот я опять в числе человеков! («Игрок») [Макар Иванович] «<...> Что же, думаю, не боги же они [ученые люди, профессора], а такие, как и мы, подобострастные нам, человеки» («Подросток»); [Ракитин] Эта шельма Грушенька знаток в человеках, она мне говорила однажды, что она когда-нибудь тебя [А. Карамазова] съест («Братья Карамазовы»); [Из поучений старца Зосимы] Ибо иноки не иные суть человеки, а лишь только такие, какими и всем на земле людям быть надлежало бы («Братья Карамазовы»); [Отец Ферапонт монашку] Бестолковые вы человеки! Как соблюдаете пост? («Братья Карамазовы»); Старца Зосиму, как уже и всем известно было сие, не любил отец Ферапонт чрезвычайно; и вот и к нему, в его келейку, донеслась вдруг весть о том, что «суд-то божий, значит, не тот, что у человеков, и что естество даже предупредил» («Братья Карамазовы»); Что в том, что, разойдясь, каждый примется за старые предрассудки: капля точит камень, а вот эти-то «общие человеки» побеждают мир, соединяя его; предрассудки будут бледнеть с каждым единичным случаем и наконец вовсе исчезнут («Дневник писателя»); Кто хотел переделать народ наш, фантастически «возвышая его до себя», – попросту наделать всё таких же, как сами, либеральных европейских человеков, отрывая, от времени до времени, от народной массы по человечку и развращая его в европейца даже хоть фалдочками мундира? («Дневник писателя»)

Контексты с формой множественного числа «люди» принимались во внимание только в том случае, если в них употреблялось и слово «человек», и фиксировались в комментарии – в зоне морфологических особенностей описываемого слова.

Наиболее прозрачным представляется «человек» в значении единицы счета. Прозрачным и понятным с точки зрения обыденной логики, наивного языкового сознания, но – не логики Достоевского, у которого мы встречаем «полчеловека» – 1 раз в «Дядюшкином сне», 2 раза в «Бесах» и 3 раза в «Братьях Карамазовых» и «три с половиной человека» – 2 раза в «Бесах». Кроме того, появляются *чуть-чуть человек* и *почти не человек*:

Доходили до того, что торговлю неграми выставляли даже нравственно необходимым делом, оправдывали ее естественным различием племен и заключали, что негр почти не человек... («Дневник писателя»); А между тем если он чуть-чуть человек, то в целом он будет несчастен («Дневник писателя»).

Если могут быть *почти семнадцать деревьев* или *полупомнить*, то почему бы и не быть *получеловеку*:

[М.М. Достоевскому] Но мне опять позволили гулять в саду, в котором почти семнадцать деревьев (Письма); [Алексей Иванович] И представьте себе, генерал, медицина им поддакивает – действительно подтверждает, что бывает такая болезнь, такое временное помешательство, когда человек почти ничего не помнит, или полупомнит, или четверть помнит («Игрок»)

Значение слова «человек» ‘о каком-л. другом лице; он, кто-то, некто; никто’ в смысловом пространстве текстов Достоевского интересно тем, что оно коррелирует с полем неопределенности, принципиально важным в авторском тезаурусе, это, наряду с частотными *как бы, как будто, вдруг, почти* и т. д., – один из способов создания данного поля.

Самые же сложные, концептуальные, вне всякого сомнения, первые три значения слова «человек» в приведенной выше семантической структуре.

Сделаем несколько идиостилевых замечаний, относящихся к функционированию слова «человек» в текстах Достоевского (конечно, помня о том, что идиоглосса, лексический маркер идиостиля, как микрокосм, отражает и взгляды Достоевского на мир и на человека в этом мире.

Гипотаксис, подчинительные связи слова «человек» в текстах Достоевского

Остановимся на оценочных определениях, многие из которых являются индивидуально-авторскими. Идеал и антиидеал, – то, что связано с первым значением слова «человек».

В произведениях художественной прозы Достоевского, в отличие от его публицистических текстов и личных писем, о чем будет сказано ниже, «человек» с определением очень часто употребляется в инвективной функции, в основном в обращениях:

празднословный (употреблялось еще А.С. Пушкиным)¹, *потаскливый* (встречаем у И. Анненского в его интерпретации «Господина Прохάρчина»), *прошедший, шутовской* (сочетание *шутовской человек* обнаруживается только у Достоевского), *тузовый, прохърчинский, каблуковый, гвоздырёвый* (тоже только у Достоевского)

Все это примеры из одного только раннего маленького рассказа «Господин Прохарчин». А еще:

Но ты заплатишь мне, мерзкий человек («Дядюшкин сон»); туголобый ты человек («Записки из Мертвого дома»); Сам ты дурак, крючок судейский, низкий человек! Это вы, низкий человек, может быть, пьете, а не я! мерзкий, преступный вы человек; О жалкий, подлый человек! («Преступление и наказание»); глупый вы человек; О бесстыдный, неблагородный человек!; пустой, бесславный, малодушный, вечно, вечно пустой человек; пустой ты человек («Униженные и оскорбленные»); праздный молодой человек («Бесь»); пьяный вы человек («Вечный муж»); негодный вы человек; помешанный вы человек («Подросток»); глупый ты человек; несчастный, презренный ты человек; низкий вы человек («Братья Карамазовы»); О, низкий, неловкий человек! («Кроткая»)

Сказанное вовсе не исключает употребления слова «человек» в обращении с положительными или с нейтральными определениями (устойчивое сочетание *милый человек* чаще всего используется в ироничном контексте):

[Скуратов] А по разным качествам и мы происходили. Вот тогда-то, братцы, и получил я первые двести... | – Неужто рублей! – подхватил один любопытный [арестант], даже вздрогнув, услышав про такие деньги. | – Нет, милый человек, не рублей, а палок («Записки из Мертвого дома»); – Пойдемте гулять, пойдемте гулять! – кричала Аделаида, – все вместе и непременно князь с нами; незачем вам уходить, милый вы человек! («Идиот»); – Прощай, милый человек, не забуду великодушия! – горячо воскликнул он [Д. Карамазов] («Братья Карамазовы»); [Д. Карамазов Калганову] Слушай, милый человек, поедем в Мокрое вместе? («Братья Карамазовы»); [Д. Карамазов Герценшту-

¹ Здесь и далее при сравнительной характеристике использовались в основном данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ: URL]

бе] И теперь плачу, немец, и теперь плачу, божий ты человек! – крикнул вдруг Митя со своего места («Братья Карамазовы»).

Или, в ироническом контексте, при сочетании положительного определения с какой-то противоположной характеристикой, иногда довольно грубой:

<...> Семен Иванович, будучи умным человеком, говорил иногда страшный вздор («Господин Прохárчин»); Во-первых, это [Афанасий Матвеич] весьма представительный человек по наружности и даже очень порядочных правил; но в критических случаях он как-то теряется и смотрит как баран, который увидел новые ворота («Дядюшкин сон»); [Марья Александровна Мозглякову, цитируя его слова] «<...> Если он [Князь] и не одарен умом, очень большим, то все-таки может быть человеком добрым, и потому можно выйти за него» («Дядюшкин сон»); [Маслобоев Ивану Петровичу] Да тебе-то какое дело, для чьей выгоды я буду стараться, блаженный ты человек? («Униженные и оскорбленные»); [Лебедев князю Мышкину] Лжет он [генерал Иволгин] беспрерывно, по слабости, но человек высочайших чувств, человек при этом малосмысленный-с, внушающий полнейшее доверие своею невинностью («Идиот»).

В личных письмах и в публицистике Достоевского положительные определения явно доминируют, инвектив здесь намного меньше, чем в произведениях художественной прозы. Мелиоративное употребление слова «человек» в публицистике отчасти обусловлено тем, что здесь эта лексема довольно часто используется либо в контексте некролога – Н.А. Некрасову, М.М. Достоевскому, Н.А. Добролюбову и др. (в некрологе бранная лексика смотрелась бы по меньшей мере неуместно), либо просто в хвалебном контексте (например, в «Пушкинской речи»), либо в философских рассуждениях об идеале или о *русском человеке (русском народе)*. Что касается личных писем, то большая их часть – это какие-то просьбы Достоевского. А просил он часто – для себя, для А.Е. Врангеля, для П.А. Исаева и др. Бранить кого-то при выражении просьбы выглядело бы весьма странно (хотя, конечно, инвектив в письмах достаточно много).

Арсенал мелиоративных определений в письмах и в публицистике Достоевского очень широкий:

бесценнейший, благоразумный; благоразумный, положительный; благороднейший; благороднейший и честнейший; благородный; богатый и добрый; в высшей степени порядочный, весьма учтивый молодой; вовсе иногда не чугунный, не скотского, не низшего типа; высокоодухотворенный, глубокоуважаемый и любимый нами, умнейший, добрейший и талантливый; действительно благородный, деликатнейший, добрый и наилюбезнейший, добрый и полезнейший <...> так полезен, что, может быть, только по смерти его это совершенно почувствуется, добрый ко мне; добрый, благороднейший, со способностями и с сердцем и с настоящим, тонким остроумием; добрый, простой, с великодушным сердцем <...> настоящий герой севастопольский, достойный имен Нахимова и Корнилова; добрый, умный и благородный; дорогой и добрейший; достойный, прекрасный, со способностями; замечательнейший; известный, талантливый и честный; милый (когда я проигрался дотла он дал мне, по просьбе моей, 60 франков взаймы), мягкий и радушный; образованнейший, с благороднейшими понятиями о воспитании; образованный, даровитый, добрый и простодушный; очень добрый молодой; очень молодой, с прекрасными качествами души и сердца; очень хороший; очень, очень талантливый превосходный молодой; порядочный; правдивый, добрый и искренний; превосходный; превосходный и меня любит; преданнейший; прекрасный и препростодушный; прекрасный, добрый, который сам первый протянул мне руку; премилый; премилый и презамечательный; простодушный и откровенный <...> очень неглупый; рассудительный и благородный; редкий и благороднейший; святой и дорогой; совершенно честный; удивительнейший; хороший и чистый; честнейший; честнейший и благороднейший; честный и добрый; честный и работающий; честный, твердый, дель-

ный; чрезвычайно порядочный; чрезвычайно умный, весьма мыслящий, чрезвычайно порядочный и в высшей степени моих убеждений; **человек** высокой души; полный настоящей, деятельной любви; положительной красоты; с редким, любящим сердцем; с сердцем; **человека** истинное, действительное благородство; дорогой <...> близкое душе моей существо, родная сестра по сердцу и др.

Когда в письмах кто-то положительный? Чаще всего, когда помогает, в основном материально, дает деньги, в других случаях, когда честный или когда близких убеждений.

Встречаются и достаточно сомнительные комплименты:

видел в нем человека не тупого; весьма и весьма недурной; довольно оригинальный и несколько смешной; с причудами; горячий, «беспокойный», всеанализирующий и, если строго судить, ни в чем себе не верующий.

Тем не менее даже положительное определение нередко используется с каким-то ограничителем – с союзом «но» и другими, что вообще характерно для стиля Достоевского, например при описании внешности персонажа (это было замечено Е.А. Иванчиковой [Иванчикова 1979] и многими другими учеными):

в высшей степени честный, *но* не всегда аккуратный; довольно симпатичный, и *когда очень надо*, то вникнет, а знание его, как врача, здесь не подвержено сомнению и он пользуется *даже* славой; драгоценный (*когда дело дойдет до интереса*); *имеющий вид* образованного господина; *кажется*, совершенно честный; не худого сердца и не глупый, *но* у него внутреннего ума нет, царя в голове; очень вежливый (несколько рыцарский характер), примет и отпустит Вас очень вежливо, *если даже и ничего не скажет удовлетворительного*; очень добрый, *но* иногда удивительный; очень молодой, очень кроткий, *хотя* с сильно развитым *point d'honneur* [вопросом чести. – *фр.*], до невероятности добрый, немного гордый (но это снаружи, я это люблю), *немножко с юношескими недостатками*, образован, *но* не блистательно и не глубоко, любит учиться, *характер очень слабый, женски впечатлительный, немножко ипохондрический и довольно мнительный*, что другого злит и бесит, то его огорчает – признак превосходного сердца; превосходнейший, благороднейший, – *но* погибает сам от себя; превосходный, *но* необыкновенно скрытный и таинственный, желающий как можно менее высказать на самый обыкновенный вопрос и как можно более умолчать; умный, *хотя* и порченный; хороший, *но крайней мере*, со мной всегда был таким; *кажется*, человек порядочный и хочет добра; один из Москвы профессорчик <...> человек милый, *но* глуповатый; оказался превосходнейшим человеком, услужливым, добрейшим, *хотя* и не совсем деловитым; очень вежливый (несколько рыцарский характер), примет и отпустит Вас очень вежливо, *если даже* и ничего не скажет удовлетворительного; очень порядочный, *но* странный (я у него занял); превосходный, умный, нежный и чувствительный, *но* немного с смешными странностями; прекрасный и безукоризненно благородный, *но*, *кажется*, тоже и молчаливый, то есть из умеющих молчать и таить про себя; строгий, прямой, честный и неуклонный прежде всего, *хотя*, как видите, *отчасти* и с обычаями прежних времен; пуританин... честнейший, серьезнейший, несомненно добрый и великодушный, *но* который ничего не уступит из своего характера и ничего не отдаст из своих убеждений

Сказанное, однако, вовсе не исключает, что в письмах и в публицистике не присутствует также пейоративная оценка того или иного лица.

В письмах:

жалкий; жалкий ты; характера упрямого, странного, мнительного и подозрительного; самолюбивый, тщеславный и мстительный; довольно плохой и ровно ничего не понимающий издатель; дрянной; не очень образованный, но и не необразованный; горячий (и трусливый вместе) и предприимчивый; весьма нечестный; горячешный; так себе, пожилой, не без некоторых достоинств, хитроватый и имеющий деньжонки...

В публицистике:

желчный; несносный; обреченный на бессовестность; невозможный; фантастический и нетерпеливый; пустейший и постоянно обижен всеобщим к нему невниманием...

Из всех определений, употребляемых в текстах Достоевского со словом «человек», наиболее частотным прилагательное «молодой». Конечно, не только в обращении, где *молодой человек* приобретает устойчивый характер, что зафиксировано в некоторых толковых словарях современного русского языка. Обращение *молодой человек* довольно часто пейоративно, а иногда инвективно (своего рода эвфемизм, замена бранного обращения) и воспринимается как оскорбительное, принижающее собеседника:

– Извините, может быть, я вас оскорбил, назвав вас молодым человеком, но я не имел ничего <...> – Вникните в мое положение, молодой человек (ах, опять! извините-с; я все называю вас молодым человеком) («Чужая жена и муж под кроватью»); – Молодой человек, опомнитесь! с кем вы, так сказать, говорите! – яростно закричал Иван Ильич, снова вскочив с своего места. | – С вами, и, во-вторых, я не молодой человек... («Скверный анекдот»); – Согласитесь сами, – продолжал он [Лужин], обращаясь к Разумихину, но уже с оттенком некоторого торжества и превосходства, и чуть было не прибавил: «молодой человек», – что есть преуспеяние, или, как говорят теперь, прогресс, хотя бы во имя науки и экономической правды... («Преступление и наказание»); – Во всякое другое время я, конечно бы, запретил вам называть меня «молодым человеком», но теперь, сами согласитесь, что моя молодость есть мое главное перед вами преимущество и что вам и очень бы хотелось, например, сегодня, когда вы дарили ваш браслет, быть при этом хоть капельку помоложе («Вечный муж»); – И так как он еще очень молодой и неопытный человек, то дай ему бог поскорее научиться, что и в мире и в гусарах совсем не все «полагают в этом всё свое честолюбие, а другие и завидуют и подражают им изо всех сил», как мы упомянули выше про некоторых; напротив, пусть знает даже и он, что в мире и даже в гусарах весьма много и скромных, и честных, и целомудренных, и воздержных людей, даже в высшей степени (Публицистика); Как в самом деле: столько времени подвизался на прихотливом поприще русского юмора, столько лет повременные издания похваливали, столько лет срывал цветы удовольствия, – «розы рвал и фиалки поливал» и вдруг – ругань! да еще какая: называют «молодым пером», «молодым человеком» (что может быть ужаснее!), ставят на одну доску с А. Скарронским <...> (Публицистика); Какой юноша не обижается, когда его называют молодым человеком? (Публицистика)

Вообще, создается ощущение, что *молодой человек* у Достоевского становится каким-то отдельным, самостоятельным концептом. О *маленьком человеке* работ множество, а вот о *молодом* – нет. Какая-то заикленность, одержимость Достоевского этим понятием. Мы это видим в «Преступлении и наказании», в «Подростке», что естественно и очевидно, в других произведениях художественной прозы разных периодов, а также в публицистических текстах и в личных письмах. Употребление сочетания *молодой человек* у Достоевского нередко иронично, и чем старше становился сам писатель, тем больше в использовании этого сочетания появлялось иронии. Приведем лишь некоторые примеры:

– Нет, вы, я вижу, не верите-с, думаете все, что я вам шуточки невинные подвожу, – подхватил Порфирий, все более и более веселея и непрерывно хихикая от удовольствия и опять начиная кружить по комнате, – оно, конечно, вы правы-с; у меня и фигура уж так самим богом устроена, что только комические мысли в других возбуждает; буффон-с; но я вам вот что скажу, и опять повторю-с, что вы, батюшка, Родион Романович, уж извините меня старика, человек еще молодой-с, так сказать, первой молодости, а потому выше всего ум человеческий цените, по примеру всей молодежи («Преступление и наказание»); – Милый друг, идол ты мой! – целовал ее руку весь просиявший от

счастья генерал. (Аглая не отнимала руки.) – Так ты, стало быть, любишь этого... молодого человека?.. | – Ни-ни-ни! Терпеть не могу... вашего молодого человека, терпеть не могу! – вдруг вскипела Аглая и подняла голову. – И если вы, папа, еще раз осмелитесь... я вам серьезно говорю; слышите: серьезно говорю! («Идиот»); Почтенный автор ее [Щедрин] (не знаю только, молодой ли человек или из молодых стариков) напечатал одну небольшую заметку в одном губернском издании, а редакция губернского издания, поместив его заметку, сделала рядом и свою оговорку, отчасти с ним не согласную («Дневник писателя»).

**Паратаксис, сочинительные связи слова «человек»
(человек и кто-то (или кто-то, не человек, а(но)...))**

Скажем несколько слов о сочетании «человек и женщина». «Женский вопрос» – один из наиболее дискутируемых в российской периодической печати второй половины XIX в., и, конечно, Достоевский не мог не обратить на него внимания, хотя и считал во многом надуманным. Вспомним предложение Разумихина Раскольникову:

[Разумихин Раскольникову] Вот тут два с лишком листа немецкого текста, – по-моему, глупейшего шарлатанства: одним словом, рассматривается, человек ли женщина или не человек? Ну и, разумеется, торжественно доказывается, что человек. <...> Ну, хочешь второй лист «Человек ли женщина?» переводить? («Преступление и наказание»)

Во фразе Разумихина видна явная ирония. Женщина для Достоевского, вне всякого сомнения, человек. *Для* Достоевского, но далеко не всегда у Достоевского, в его текстах.

Довольно редко какой-либо женский персонаж, в отличие от мужского, называет себя человеком. Более того, в одном контексте мы можем встретить противопоставление человека (мужчины) и женщины:

– Она [Марья Александровна] только пугнет, намекнет – что знает, и лучше любит держать человека или даму в непрерывном страхе, чем поразить окончательно («Дядюшкин сон»); – И вдруг Раскольникову ясно припомнилась вся сцена третьего дня под воротами; он сообразил, что кроме дворников там стояло тогда еще несколько человек, стояли и женщины («Преступление и наказание»); – Блестящий человек или великолепная дама вылечиваются, получают здоровье благодаря именно здешним источникам и – не то что в благодарность к месту, но хоть на память, оставляют две-три марки на бедных, брошенных, несчастных маленьких существ («Дневник писателя»); – Русский человек, в эти последние десятилетия, страшно поддался разврату стяжания, цинизма, материализма; женщина же осталась гораздо более его верна чистому поклонению идее, служению идее («Дневник писателя»).

Обращения со словом «человек», о которых было упомянуто выше, употребляются только по отношению к мужчине. Ничего не поделаешь, языковая дискриминация, оставшаяся и в современном русском языке.

Следует, однако, отметить, что такое противопоставление человека и женщины, отраженное в паратаксисе, встречается часто, но далеко не всегда:

Может быть, огорчившись из-за разлетевшейся дымом мечты (в которую и сама, по правде, не верила), она, как человек, не могла отказать себе в удовольствии преувеличением беды подлить еще более яду в сердце брата, впрочем, искренно и сострадательно ею любимого; Аглая Ивановна любила как женщина, как человек, а не как... отвлеченный дух («Идиот»); [Аркадий] Надежды мои не сбылись вполне – я не застал их одних: хоть Версилова и не было, но у матери сидела Татьяна Павловна – все-таки чужой человек; Да деликатный человек, а особенно женщина, из-за одной только душевной грязи твоей в омерзение придет; Впрочем, скажу все: я даже до сих пор

не умею судить ее; чувства ее действительно мог видеть один только бог, а человек к тому же – такая сложная машина, что ничего не разберешь в иных случаях, и вдобавок к тому же, если этот человек – женщина («Подросток»); [А.Г. Достоевской] Сама m-me Штакеншнейдер всё сидит дома; она больна ногами, простудила еще в детстве, и ревматизм; хоть она и недурна собой и, кажется, порядочный человек, но все-таки странная охота жениться на больной женщине (Письма); [И.С. Аксакову] Это вот что такое: одна, давно уже пишущая барыня, сама очень хороший, кажется, человек, Пелагея Егоровна Гусева, лет 6 тому назад познакомилась со мною на водах в Эмсе и теперь прибегла к моему посредничеству по поводу своего романа (Письма).

Зафиксированные в зоне паратаксиса комментария словарной статьи примеры могут дать и другой интересный для наблюдения и анализа материал, например, 1) с какими словами «человек» чаще всего вступает в сочинительные связи:

господин, отец, генерал, друг, гражданин, князь, брат, мужик, барин, мальчик, мужик, писарь, барон, врач, дурак, купец, муж, подлец, помещик, прокурор, солдат, старик, старичок, учитель, француз, чиновник, европеец, женщина...

Анализ паратаксиса – это одновременно и выход в лексическую парадигму.

2) кому или чему противопоставляется человек:

<...> да ведь то же пьянчужка, а вы да я человек! («Господин Прохарчин»); Ведь это [Князь] полукомпозиция, а не человек («Дядюшкин сон»); В том-то и горе мое, что я тряпка, а не человек! («Село Степанчиково и его обитатели») – Какой ты порядочный молодой человек после этого? Ты тряпка, а не молодой человек после этого! («Село Степанчиково и его обитатели») – Настя то же сейчас говорила, хотя, право, не знаю, какие на ней-то грехи, потому что она ангел, а не человек! («Село Степанчиково и его обитатели»); – Но вы поэт, а я простой человек и потому скажу, что надо смотреть на дело с самой простой, практической точки зрения («Униженные и оскорбленные»); В остроге было иногда так, что знаешь человека несколько лет и думаешь про него, что это зверь, а не человек, презираешь его («Записки из Мертвого дома»); Я для вас уж теперь не герой, каким прежде хотел казаться, а просто гаденький человек, шенапан («Записки из подполья»); Больше ничего, что с деньгами я стану и для вас другим человеком, а не рабом («Игрок»); <...> ты, может быть, очень ученый outchitel, но ты ужасно глупый человек («Игрок»); Я гражданин и человек, а не щепка, я имею права, я хочу моих прав... («Бесы»); – Так разве это – человек? Это – зверь, а не человек <...> («Подросток»); Вдруг, и ведь вовсе не из подлости, человек делается не человеком, а мошкой, самой простой маленькой мошкой (Публицистика); Конечно: это только тупая гордость, это ограниченное чувство воинской чести, но это чувство благородное, смелое; это уже человек, а не раб; стало быть, еще не все потеряно; разврат и разрушение не охватили еще своим огнем всего, не спалили, не заразили еще всей души общества (Публицистика); Майков несравненно лучше, он подосадует, да и опять сблизится, и все же хороший человек, а не семинарист (Письма); Нет, с этой сукой [И.Г. Сниткиным] надо поступать как с собакой, а не человеком (Письма)...

Выше уже было сказано о некоторых контактных связях слова «человек» в текстах Достоевского, о гипотаксисе и паратаксисе. Для построения текстового ассоциативного поля таких контактных ассоциатов, однако, недостаточно.

Слово «человек» в тезаурусе Достоевского несет особую смысловую нагрузку: это не просто идиоглосса, но – идеоглосса, основная идеологема. Авторские идеи, по крайней мере если говорить о творчестве Достоевского, выражаются, в частности, а возможно, и в первую очередь, в генерализованных высказываниях различного типа: афоризмах, сентенциях, высказываниях обобщающего характера и т. п. Тот факт, что комментарий словарной статьи «Идиоглоссария Достоевского», включающий в себя 16 зон, начинается именно с зоны АФРЗ, в которой фиксируются высказывания подобного типа, вовсе не случаен. Это своеобразный

вход в мир идей писателя. Отметим, что бóльшего числа афоризмов, чем со словом «человек», у Достоевского нет, даже со словами с преобладающей частотой употребления. Их более ста, и причина здесь не только в общей высокой частоте употребления слова «человек», довольно много идиоглосс, тоже высокочастотных, но не обладающих таким большим афористическим потенциалом. Приведем лишь несколько примеров высказываний, вошедших в зону АФРЗ комментария словарной статьи «человек» (угловыми скобками выделяется часть контекста, не входящая в состав афоризма):

[Ростанев] <Видишь, Сережа, я, конечно, не философ, но я думаю, что> во всяком человеке гораздо более добра, чем снаружи кажется («Село Степанчиково и его обитатели»); [Иван Петрович о Валковском] Есть особое сладострастие в этом внезапном срыве маски, в этом цинизме, с которым человек вдруг выказывается перед другим в таком виде, что даже не удостоивает и постыдиться перед ним («Униженные и оскорбленные»); [Горянчиков] Человек есть существо ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его определение («Записки из Мертвого дома»); [Горянчиков] <Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что> по смеху можно узнать человека, и если вам с первой встречи приятен смех кого-нибудь из совершенно незнакомых людей, то смело говорите, что это человек хороший («Записки из Мертвого дома»); [Горянчиков] Свойства палача в зародыше находятся почти в каждом современном человеке («Записки из Мертвого дома»); [Парадоксалист] <...> человек только свое горе любит считать, а счастья своего не считает («Записки из подполья»); [Алексей Иванович] Человек – деспот от природы и любит быть мучителем («Игрок»); Действительно, человек любит видеть лучшего своего друга в унижении пред собою <...> («Игрок»); <...> любить общечеловека – значит наверно уж презирать, а подчас и ненавидеть стоящего подле себя настоящего человека («Дневник писателя»); <...> у нас в России, в классах интеллигентных, даже совсем и не может быть нелгущего человека («Дневник писателя»); Нет человека готового повторять чаще русского: «какое мне дело, что про меня скажут», или: «совсем я не забочусь об общем мнении» – и нет человека, который бы более русского (опять-таки цивилизованного) более боялся, более трепетал общего мнения, того, что про него скажут или подумают («Дневник писателя»); [А.Н. Майкову] Главное, самосознание в себе русского человека – вот что надо (Письма); [П.А. Исаеву] Чем образованнее человек, тем более он учится, и так всю жизнь (Письма); [Л.В. Григорьеву] В самом деле, трудно кому-нибудь более, чем русский человек, впадать в ошибки (Письма).

К интерпретации этого лексикографического материала можно подойти по-разному, мы в качестве эксперимента выбрали следующий подход: все высказывания, зафиксированные в зоне АФРЗ комментария словарной статьи (подкорпус корпуса афористики Достоевского), вводятся в поисковик, выполняющий следующие функции: 1) разбивает текст на словоформы и составляет их список, 2) определяет частоту употребления каждой словоформы, 3) выстраивает словоформы или в алфавитном порядке, или по убывающей частоте их употребления. Такой список (наш составил порядка 1 600 словоформ) сам по себе мало дает для понимания того, чем является человек у Достоевского, следующий шаг намного сложнее – распределение данных словоформ по лексико-семантическим полям. И технически сложно, и потому, что одна лексема, как известно, может быть связана с различными смысловыми группами, так что часто приходится обращаться к контексту, в котором она употребляется. Тем не менее некоторый эскиз, ядро семантической группировки слов, входящих в это текстовое афористическое поле, нам удалось обозначить.

Естественно, самыми частотными оказались союзы, предлоги, частицы и местоимения: *и* (214), *в* (100), *не* (97), *что* (82), *на* (50), *с* (42), *то* (34), *как* (33),

его (31), а (30), это (28), он (27) я (27) и др. И, конечно, само слово «человек» в различных формах (в зону АФРЗ выносились только высказывания с этим словом): человек (125), человека (68), человеку (23). Частотными оказались конструктивные для афоризма единицы, что может представлять определенный интерес с точки зрения характеристики идиостиля Достоевского: *ведь* (7), *ибо* (5), *если* (19), *по-моему* (3) *потому* (11), *очень* (10), *разве* (7), *конечно* (3), *без* (17), *из-за* (2), *по крайней мере* (2), *чтоб* (6), *чтобы* (7), *зато* (2), *значит* (3), *когда* (7), *коли* (2), *коль* (2), *хоть* (14), *хотя* (10), *перед* (6), *перед* (5), а также глаголы-связки *будет* (6), *будешь*, *будут*, *будучи*, *будь*, *бывает* (3), *был* (11), *были* (3), *было* (10), *быть* (18), *есть* (25), *является* и модальные слова: *должен* (4), *должны* (2), *мог* (4), *могли*, *может* (25), *можно* (7), *надо* (10), *надобно* (2), *нельзя* (7), *нельзя-с*, *необходимее*, *необходимо* (3), *необходимости* (4), *нужно*, *обязан*.

Конечно, в афористическом поле ‘человек’ не могло не отразиться и любимое Достоевским поле неопределенности, хотя и не настолько явно, как во многих других случаях: все-таки афоризм в силу своих особенностей закономерно создает запрет на неопределенность. Маркеры неопределенности, однако, у Достоевского регулярно встречаются и в высказываниях афористического типа, например: *будто*, *вдруг* (7), *вроде*, *кажется* (6), *казались*, *казалось*, *какая-то*, *какого-нибудь*, *какое-нибудь* (2), *какой-нибудь* (3), *каком-нибудь*, *как-то* (3), *кого-нибудь*, *кому-нибудь*, *кто-нибудь*, *куда-нибудь*, *некоторую*, *несколько* (3), *нечто* (2), *один* (4), *одна* (2), *одно* (3), *одного* (2), *одной* (3), *одну*, *сколько-нибудь* (2), *чем-нибудь* (2), *что-нибудь*, а также поле желательности, возможности: *возможность*, *жаждет*, *жаждой*, *желал*, *захотел*, *мечтает*, *мечту*, *надежду* (2), *невозможен*, *невозможностью*, *угодно* (2), *хотите* (2), *хотят*, *хочу*.

Рассмотрим другие, наиболее насыщенные лексическими единицами семантические поля, пересекающиеся с полем ‘человек’.

(1) ‘ЗНАНИЕ, РАЗУМ, УМ’ (‘ГЛУПОСТЬ’):

ведомо, *выдумывал*, *глупее* (2), *глупому*, *глупости*, *глупый* (2), *думать*, *думаю* (4), *задумчиво*, *знает* (7), *знал*, *знание*, *знать* (2), *знаю* (4), *идеи* (2), *идея* (2), *известная*, *известно* (4), *известной*, *логику*, *логически*, *мысли*, *мыслители*, *мысль* (4), *мыслью* (2), *мыслям*, *мыслях*, *неведомая*, *незнакомой*, *незнакомых*, *означает*, *осмыслить*, *ошибаться* (3), *ошибаюсь*, *ошибающийся*, *подумают*, *понимавшими*, *понимает* (2), *понимаете*, *понимать*, *понимая*, *понятием*, *признает*, *признак*, *признанного*, *просветить*, *просвещенным*, *разгадать*, *разгадывать*, *распознать*, *рассудили*, *рассудок*, *самосознание*, *смысла*, *сознание*, *сознании*, *сознательно*, *сознать*, *сознающий*, *суметь*, *узнать* (2), *ум* (2), *ума* (2), *умнели*, *умного* (3), *умному*, *умный*, *умным*, *умышленно*, *умышленное*, *ясно*, *ясную*

(2) ‘РЕЧЬ (ГОВОРЕНИЕ И СЛУШАНИЕ)’:

бесед, *болтовня*, *выказывается*, *выражать*, *выражения*, *высказанное*, *высказаны*, *высказаться*, *высказываниях*, *говори*, *говорил*, *говорила*, *говорит*, *говорите*, *говоря*, *доказывал* (3), *заметил*, *изъяснять*, *объявил* (2), *отвечал*, *подсказывается*, *прибавлю*, *провозгласил*, *скажете*, *скажу*, *скажут* (2), *сказал*, *сказали*, *сказать* (4), *сказывающийся*, *слыхать*, *слыхивал*, *слыхом*, *слышал*, *убедить*, *уговорить*

В том, что эти поля пересекаются с полем ‘человек’, нет ничего удивительного: человек, согласно словарным дефинициям, существо разумное, мыслящее и обладающее даром слова. Да и вообще данные поля в общелитературном тезаурусе насыщены большим числом частотных лексических единиц.

Довольно много слов, входящих в высказывания афористического типа Достоевского, в том числе и оценочного характера, относятся к полю (3) ‘степень,

величина, размер, количество: *более* (9), *больше, большею, большинстве, большинство, больших, важность, великая, великий, великим* (2), *великого* (2), *великое* (2), *величайшее, величайшею, величие, величия, весьма, высочайший, высочайшим, высшая, высшей, высшие, гениальная, главнейшее, главного, главное, гораздо* (3), *значительные, идеал, легче* (2), *лучше* (3), *лучшего, лучшее* (2), *лучшею, миниатюрны* (2), *обольстительнее, образованнее, огромное, особенно* (7), *особенных, получше, развитее, самое* (4), *самой, самые, самый* (2), *самым, скорее, скорей, степени* (3), *степень, таланта, талантлив, талантов, феноменально, хороший* (2), *хорошо* (4), *хуже* (2), *чаще* (2), *чрезвычайное, чудовищной, чуть* (4), *чуть-чуть* (2).

Поле (4) **‘лицо, совокупность лиц, существо’** представлено следующими словоформами: *атеистом, ближнего, врага, гением, гения* (2), *деспот, другим, другого* (3), *другой, дураки* (2), *жертвы, зверь* (5), *зверя, людей, люди, многие, мошенника, народ, народа* (2), *народу, нация, остальные, остальным, племени, подлец, подлеца, поколение, преступника, раб* (2), *разбойника, старец, существо* (3), *тварь* (3), *тиране, чудовище, чудовищу*.

Такое важное для тезауруса Достоевского лексико-семантическое поле, как (5) **‘граница, предел’** (или отсутствие границы / предела), отражается в употреблении словоформ *безграничное, безмерно, бесконечную, непрерывнее, непрерывно, даже* (23), *крайне, крайних, мерку, меры, неограниченной, почти* (8), *слишком* (4), *совсем* (6), *точки, черта* (2). Отметим, что почти все эти слова описываются в отдельных словарных статьях «Идиоглоссария Достоевского», т. е. имеют идиоглосный статус.

Нет ничего удивительного и в том, что поле ‘человек’ пересекается с понятиями ‘жизнь’ и ‘смерть’, причем частотность единиц, относящихся к полю ‘жизнь’, в афористике существенно превосходит поле ‘смерть’:

(6) **‘жизнь’**: *возрождению, жив* (2), *живет, живого, жизни* (6), *жизнь* (9), *жить* (8), *приживчив, прожитое, уживается*;

(7) **‘смерть’**: *бессмертии, война, войну, войны* (2), *гибнут, загубил, застреливается, истребит, казни, палача, погибшего, погребен, смерти, трупом, убивая, умер*.

Между жизнью и смертью – (8) **‘время’**, семантическое поле, представленное у Достоевского очень широко: *века, веков, вечно, воспоминание, воспоминаний* (2), *воспоминания, временем, времени* (5), *время* (3), *всегда* (7), *давно, дня, долгий, долгих, древних, исторически, исторической, история, летах, мгновение* (2), *минута, минуту, минуты, многовековое, молодой* (3), *навсегда, недавнего, ночью, потом* (3), *рождается* (2), *сейчас* (4), *современном, современные, современный, спустя, старая, тогда* (2), *тотчас* (4), *утро*.

Укорачивание Достоевским времени до точки, мгновения, как и интерес писателя к воспоминаниям и к важности воспоминаний, – факт широко известный, как и то, что человек Достоевского часто страдающий или больной. Это нашло отражение и в довольно широком поле (9) **‘страдание, боль, болезнь, мучение’**, пересекающемся в афоризмах писателя с полем ‘человек’: *апатия, бед, беда, болезней, боли, больных, взбешенный, горе* (2), *горя* (2), *жестокостями, жесточайшие, замучить, измучаю, истязуемой, лекарство, мучение, мучителем, мучительная, мучительнее* (2), *мучить* (2), *нервный, подагр, страдание* (2), *страдания, страдать, страдая*, а также в поле (10) **‘страх’**: *боится, бойтесь, боюсь, боялся, бояться, испугается, смело, страх* (2), *страшно* (4), *трепетал, трус, трусливости, трусости, ужасно* (2), *ужасным, ужасом*.

Тем не менее, если «количество» счастья и несчастья примерно одинаковое: **(11) 'счастье'**: *счастье, счастлив (2), счастье (2), счастьем, счастья (3)*; **(12) 'несчастье'**: *несчастен, несчастье (2), несчастлив (2), несчастье, несчастья*, то любви, смеха и радости все-таки намного больше, чем боли и страдания: **(13) 'любовь'**: *любви (3), любит (13), любите, любить (3), любовь (3), любовью, любят, полюбить, самолюбия, слюбится, филантропа*. И только две словоформы, связанные с ненавистью, – *ненавидеть и ненависти*; **(14) 'радость'**: *блаженством, веселит, наслаждение, рад, радости, радость, радующийся*; **(15) 'смех'**: *смеется (2), смех, смеху, смешного (встречается, правда, и злой смех – насмешками)*. Ничего не поделаешь: если читатель хочет увидеть смерть и страдание, то именно это он в первую очередь и увидит.

Безусловно, выделяются также семантические поля, вообще характерные для русского художественного дискурса XIX в., важны они и для Достоевского – **'бог', 'вера', 'грех', 'вина', 'стыд, совесть, честь', 'правда, истина и ложь', 'добро и зло', 'дух, душа'**: **(16) 'Бог'**: *бога (2), божеской, божий (2), божью, христианства, Христов, Христову*; **(17) 'вера'**: *вере, верит, верить, веровать, веротерпимости, веру, поверить, поверьте, разуверишь, разуверять*; **(18) 'грех'**: *грех, греха (2), грехе (2), грехов, грешно, согрешив, согрешил*; **(19) 'вина'**: *вине, виноват (3), виновен, невинно, обвинять*; **(20) 'стыд, совесть, честь, достоинство'**: *бесстыдству, бесчестие, бесчестье, благородно, благородным, достоинств, достоинству, порядочный (6), постыдиться, постыдная, совести (6), совестливо, совестью, стыде, устыдиться (2), честен, чести, честный, честным, честь*; **(21) 'правда, истина и ложь'**: *истина, истиннее, истинного, нелгущего, оправдать, плутоватый, правда (3), правде, правдой, правду, соврать, солжет, шулерство*; **(22) 'добро и зло'**: *гуманной, гуманности, гуманный, добра (2), добре (2), добро, доброго, добродетелей, добродетели, добрым (2), зла, зле, злости*; **(22) 'дух, душа'**: *великодушия, великодушным, духом (2), душа, душе (2), души, душой, малодушного*. Однако намного шире, чем, например, 'дух, душа', представлено поле **(23) 'деньги'**: *беднее, бедном, бедному, бедность, бедный (3), богатстве, богаты, гроша, деньгами, капиталов, копеек, копить, миллиона (2), одолжаешь, одолжение, одолженным, одолжить*.

Человек у Достоевского очень тесно связан с идеей активной деятельности и активного деятеля, что находит отражение и в соответствующем лексико-семантическом поле: **(24) 'дело, действие'**: *выделаться, действовать, действует (2), действуете, дела (2), делает (2), делается (2), делал, делать (5), делаю, делают, деле, дело (2), делового, деловой (3), дело-то, дельного, сделанное (2), сделать (4), сделаться (2)*.

Конечно, в афоризмах Достоевского, связанных с человеком, не могла не найти отражения идея всеединения, общности: **(25) любой, каждый, общий, весь'**: *весь (2), всего (8), всем (6), всемирная, всемирное, всему, всеобщую, всех (7), всю (4), вся (4), всяк, всякая (3), всякий (8), всякого (5), всякое, всяком (2), всякому (2), всякую, каждая, каждого (2), каждое (2), каждом, каждому, каждый (6), наши, наше (2), нашего (4), наши, обобщающего, общего, общей, общем, общественная, общество, общечеловека, общности*. Эта же идея отражена и в составе словообразовательного гнезда, зафиксированного в отдельной зоне комментария словарной статьи «Идиоглоссария Достоевского» (зона СЛБР): *богочеловек, всечеловек, всечеловеческий, всечеловечность, всечеловечный, всечеловечество, общечеловек, общечеловечек, общечеловеческий, общечеловечество, общечеловечность, обще-*

человечный, очеловечение, очеловечить, очеловечиться, человекобог, человечество и др. Авторские новообразования, универбаты «всечеловек» и «общечеловек» фактически являются ключом к пониманию философии Достоевского.

Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что в генерализованных высказываниях Достоевского активно употребляются лексические единицы поля **(26) 'Россия, русский'**: *России, русский* (14), *русским* (2), *русских, русского* (10), *русское, русскому* (4). Сказанное, однако, не исключает наличия в афоризмах словоформ *всеевропейское, европейским, Европой, Европы, Западе, западного, парижане, парижанина, разьевропейский, француза, французы*. Для усиления идеи русскости необходима противоположность, наличие контраста. Таким образом, если принять в качестве базового положение о том, что ядро тезауруса Достоевского – 'человек', то следует заключить, по крайней мере в отношении публицистических текстов писателя, что это не человек вообще, а *русский человек*, что подтверждает и зона комментария словарной статьи, в которой зафиксированы подчинительные связи описываемого слова, его гипотаксис.

Какие же выводы на материале словарной статьи «Идиоглоссария Достоевского» можно сделать относительно того, как представлен человек у Достоевского? Человек в первую очередь существо неопределенное, требующее познания, он ограничен во времени, т. е. рождается и умирает, смеется и испытывает страх (Кириллов в «Бесах»: «Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен. Теперь всё боль и страх. Теперь человек жизнь любит, потому что боль и страх любит»), любит и болеет (Парадоксалист в «Записках из подполья»: «Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек»), страдает, к тому же способен получать удовольствие от своего страдания и от страдания других, имеет склонность ко лжи, воровству, обогащению. Человек у Достоевского соткан из парадоксов, само слово «человек» в текстах писателя в высшей степени оценочное – от антиидеала до идеала (Настасья Филипповна князю Мышкину в «Идиоте»: «Прощай, князь, в первый раз человека видела!»), от безобразного до образа и подобия Божия. Если говорить о русском человеке, то его функция – всеединение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азбука веры. <https://azbyka.ru/chelovek-sm>
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
3. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского. <https://vehi.net/berdyaev/dostoevsky/02.html> (дата обращения: 05.03.2024).
4. Виноградов В.В. История слов. <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/464> (дата обращения: 05.03.2024).
5. Достоевский Ф.М. Письма 1832–1859 // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л.: Наука, 1985. 572 с.
6. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
7. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. <https://gufu.me/dict/efremova> (дата обращения: 05.03.2024).
8. Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 287 с.
9. МАС – Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 (С–Я). 3-е изд., стереотип. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1988. 796 с.

10. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. www.ruscorpora.ru/search-main.html (дата обращения: 04.03.2024).
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. slovoblog.ru/ojegov/skladka/ (дата обращения: 04.03.2024).
12. Ружицкий И.В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: Монография. М.: ЛЕКSRUS, 2015. 543 с.
13. СЯД 2024 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Т–Я) / Под ред. Ю.Н. Караулова; науч. ред. И.В. Ружицкий (в рукописи).
14. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. slovoblog.ru/ushakov/skladka/ (дата обращения: 04.03.2024).
15. Феномен Достоевского. Западные исследования творчества писателя. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2019. 720 с.
16. Шайкевич А.Я., Андриющенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2003. 832 с.
17. Lloyd J.A.T. A Great Russian Realist – Feodor Dostoieffsky. London: S. Paul&Co, 1912. 296 p.
18. Natorp P. Fjedor Dostojewskis Bedeutung für die gegenwärtige Kulturkrisis: mit einem Anhang zur geistigen Krisis der Gegenwart. Jena, 1923. 41 S.

REFERENCES

1. Azbuka Very. <https://azbyka.ru/chelovek-sm>
2. Apresyan Yu.D. The Image of a Man according to Language Data: An Attempt at a Systemic Description. *Topics in the Study of Language*. 1995. No 1, pp. 37–67.
3. Berdyaev N.A. Dostoevsky's Worldview: <https://vehi.net/berdyaev/dostoevsky/02.html> (date accessed: 05.03.2024).
4. Vinogradov V.V. A History of Words. <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/464> (date accessed: 05.03.2024).
5. Dostoevsky F.M. Letters 1832–1859. In: Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Vol. 28. Book 1. Leningrad. Nauka Publ. 1985. 572 p.
6. Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Leningrad. Nauka Publ. 1972–1990.
7. Efremova T.F. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formative. <https://gufo.me/dict/efremova> (date accessed: 05.03.2024).
8. Ivanchikova E.A. (1979) Syntax of Dostoevsky's Fiction. Moscow. Nauka Publ. 287 p.
9. Russian Language Dictionary: In 4 vols. Vol. 4 (С–Я). 3rd ed., stereotyped / Ed. by A.P. Evgenieva. Moscow. Russky Yazyk Publ. 1988. 796 p.
10. National Corpus of the Russian Language. www.ruscorpora.ru/search-main.html (date accessed: 04.03.2024).
11. Ozhgov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. slovoblog.ru/ojegov/skladka/ (date accessed: 04.03.2024).
12. Ruzhitsky I.V. (2015) The Language of Dostoevsky: Idioglossary, Thesaurus, Eidos: Monograph. Moscow. LEKSRUS Publ. 543 p.
13. Dictionary of Dostoevsky's Language: Idioglossary (Т–Я) / Ed.: Yu.N. Karaulov; scientific editor: I.V. Ruzhitsky (in manuscript).
14. Explanatory Dictionary of the Russian Language / Ed. D.N. Ushakov. slovoblog.ru/ushakov/skladka/ (date accessed: 04.03.2024).

15. The Phenomenon of Dostoevsky. Western Studies of the Writer's Creativity. Moscow. Akademicheskyy Proekt; Fund "Mir" Publ. 2019. 720 p.

16. Shaykevich A.Ya., Andryushchenko V.M., Rebetskaya N.A. (2003) Statistical Dictionary of Dostoevsky's Language. Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ. 832 p.

17. Lloyd J.A.T. (1912) A Great Russian Realist – Feodor Dostoieffsky. London. S. Paul&Co. 296 p.

18. Natorp P. (1923) Fjedor Dostojewskis Bedeutung für die gegenwärtige Kulturkrise: mit einem Anhang zur geistigen Krise der Gegenwart. Jena. 41 S.

Сведения об авторе:

Игорь Васильевич Ружицкий,
доктор филол. наук
доцент
Институт русского языка
имени В.В. Виноградова РАН

Igor V. Ruzhitsky,
Doctor of Philology
Associate Professor
The V.V. Vinogradov Russian Language
Institute RAS

konnitie@mail.ru